

The Jubilant's Present

Премьерами масштабных симфонических сочинений порадовал выдающийся петербургский композитор, Народный артист России, профессор СПб консерватории Борис Тищенко в дни своего юбилея. Завершение хорео-симфонической циклиады по «Божественной комедии» бессмертного Данте ознаменовалось исполнением ее последних частей («Данте-симфонии» № 3 и № 5) в Большом зале Санкт-Петербургской филармонии Заслуженным коллективом России академическим симфоническим оркестром Филармонии под управлением дирижера Народного артиста России Николая Алексева. Размышлениями о творческом пути композитора и судьбе его сочинений делится известный музыковед, Почетный член Филармонического общества, профессор Михаил Бялик.

The famous St Petersburg composer, People's Artist of Russia, Professor of the Conservatoire Boris Tishchenko gave the audience pleasure with the premier of his outstanding compositions: the last parts of his 'Divine comedy' (Dante-symphony № 3 and № 5), which were performed in the Great Hall St Petersburg Philharmonic by Honored Collective of Russia Academic Simphonic Orchestra and conductor People's Artist of Russia Nikolai Alekseev. The honorable member of the Philharmonic society, professor Michael Bialik tell us some thoughts about the development of the artist and the fate of his compositions.

Михаил БЯЛИК

Подарок юбиляра

23 марта народному артисту России, лауреату Государственной премии Борису Тищенко, самому выдающемуся, по моему убеждению, современному композитору-симфонисту, минет 70. Недавно, в канун юбилея, в Санкт-Петербурге, где живет Борис Иванович, в Филармонии, которая носит имя его великого учителя Д. Д. Шостаковича, состоялось событие, в высшей степени знаменательное для мастера и его многочисленных почитателей: предстала в звучании заключительная часть крупнейшего творения Тищенко, созданию которого он отдал много лет — Пятая Данте-симфония. Это, собственно — краткое название. Полностью автор наименовал целое так: «Беатриче», хорео-симфоническая циклиада, ор. 123. Отдельные части симфоний обозначены номерами, общее число коих десять соответствует ста песням, составляющим «Божественную комедию». В D-симфонии № 5 — три части, №№ 8, 9 и 10, название ее, в соответствии с литературной первоосновой — «Рай».

Дантовская «Божественная комедия», которую многие чтят как величайшую из когда-либо написанных книг, не раз воодушевляла композиторов. Но ни знаменитая симфоническая фантазия Чайковского «Франческа да Римини», или одноименная опера Рахманинова, или опера Пуччини «Джанни Скикки», сюжетом которых служат отдельные эпизоды грандиозной поэмы, ни обобщающие Данте-симфония Листа или Десятая симфония, «Круги Ада», Слонимского не претендовали на то, чтобы столь полно, песнь за песню, перевести «Божественную комедию» на язык музыки. Не только

музыки — но, как явствует из названия, и хореографического театра. Пока партитура еще не «отанцована». Вряд ли, однако, это будет традиционный балет. Скорее, некое синтетическое зрелище типа популярных некогда «живых картин» — со включением безграничных ныне возможностей мультимедийной техники. Если пожелают заняться интерпретацией дантовско-тищенко-ского творения художники ранга Михаила Шемякина, Джона Ноймайера, Юрия Норштейна, они придумают и жанр, и форму. Музыка им подскажет.

Она программна в самом прямом смысле этого слова и непосредственно живописует среду, персонажей, ситуации — хотя, разумеется, этим не ограничивается. В композиторской среде негласно существует пренебрежительное отношение к подобной музыке как якобы более низкой, по сравнению с «чистой» музыкой, роду творчества (возможно, сказывается задержавшееся в памяти раздражение от того, как в приснопамятном 1948 году партия усиленно поощряла и насаждала программность). Тищенко далек от злопамятства и снобизма. Он и раньше живописал звуками: достаточно вспомнить такие его сочинения, как «Гибель Пушкина», «Северные этюды», «Суздаль», «Палех», а созданная в 1984 году на основе музыки к театрально-поэтической композиции симфония «Хроника блокады» с поразительной достоверностью воплотила сонорные приметы быта военного Ленинграда и через них — чувствования его защитников и самый дух героического города. Музыкальная версия «Божественной комедии» выполнена с такой необычайной силой вообра-

жения, что буквально каждая страница партитуры побуждает удивляться: «Как, и это доступно музыке? И такие фантастические ландшафты, и такие затаенные свойства людской природы способна она запечатлеть?». Характеристика, данная Пушкиным дантовскому творению — «план обширный объемлет творческую мыслью» — может быть отнесена и к музыкальному прочтению поэмы. Ну, а то, что изображение в искусстве не исключает выражения, а, напротив, усиливает его, многократно доказали классики. Современный автор подтверждает это снова и по-своему.

Переноса образы одного вида искусства в другой, художник не только вправе — он должен выказать к ним свое отношение: в этом суть творческого акта. С Тищенко происходит только так. Когда в свое время хореограф Олег Виноградов предложил ему сценарный план балета по «Слову о полку Игореве», переключившийся с сюжетом оперы Бородина и прославлявший князя-героя, композитор, не вдохновившись им, выдвинул контрплан — трагедийного произведения, где Игорь обвинен за ненужный, из тщеславия предпринятый поход, обернувшийся тяжелыми жертвами и ослабивший Русь. Балетмейстер принял эту трактовку литературного памятника и, совместно с режиссером Юрием Любимовым, создал спектакль, лучше которого за минувшие 35 лет я ничего в балетном театре не слышал и не видел — не только у нас, но и в мире. (Спектакль давно нигде не идет — какая это досада, какое непростительное безразличие к тому, что составляет национальное культурное достояние! Но, может

быть, Олег Михайлович, вновь занявший, во всяком случае, по должности, ведущее положение в петербургском балете, возродит свое замечательное сценическое создание?).

«Божественную комедию» композитор воспринял, конечно же, тоже самобытно. Прочтя первые строки аннотации, которую он предпослал новой D-симфонии, я даже насторожился. «Дантовский Рай, — пишет Тищенко, — не менее грустен, чем Чистилище, и не менее страшен, чем Ад. Причиной тому — неизбежное, уже окончательное прощание с Беатриче, приближение к Божеству, непознаваемому и непредсказуемому; и еще — Данте не может забыть о бесчинствах, творящихся на Земле». Если Бог только непознаваем и непредсказуем и если не сияет над мирозданием Любовь, «что движет солнцем и светила», то не чрезмерно ли субъективен, не преувеличенно ли мрачен взгляд интерпретатора на трактуемый объект? К счастью, опасения не подтвердились. В завершающем разделе симфонии — а окончание по-особому важно, ибо тут обычно и утверждается авторская концепция — достойно представлены и То, и Другое. Звуковая картина «Эмпирей. Райская роза», запечатлевшая вознесение идеальной возлюбленной в лепестки божественного цветка, поразительно проста, колористически строга (аккорды арф, струящиеся в разреженной атмосфере высоких струнных), немногословна и исполнена такой красоты и возвышенной печали, что, постигая ее, с трудом сдерживаешь слезы. А возникающий вослед ей апофеоз «Лицезрение Божества» прямо-таки ослепляет нагнетаемым от трех *piano* до шести *forte* потоком света. В основе весьма хитрого тематического развития положен простой композиционный прием: в оркестре проходят все 24 терции хроматического звукоряда. И Божество предстает одновременно таинственным и по-детски ясным, доступным.

Вообще, какое-то детское прямотушие, непосредственность,

открытость присутствуют в самых сложных, трагедийно или гротесково окрашенных звукоизображениях, в том доверии к Данте, которое испытывает композитор. Примечательно: среди персонажей симфонии находятся Мудрецы, строй которых, по капризу автора, возглавляет... Шостакович. Борис Иванович приводит тут цитату из финала своей Пятой симфонии, посвященной Дмитрию Дмитриевичу, и тема эта стилизована под «темы детства» из заключительных разделов Десятой симфонии и Микельанджеловского цикла Шостаковича. Тень Шостаковича сопровождает Тищенко подобно тому, как тень Вергилия сопровождает Данте.

Борис Тищенко

Не стану тут писать — потребовалось бы слишком много места — об иных аспектах нового творения: об обновлении симфонического мышления, вводящего «поток сознания» в берега логических закономерностей и тематических связей, о поразительных инструментальных находках и включении внеоркестровых звучаний в оркестровую ткань, о гармоническом соединении монументальности, эпического величия с любовной детализацией изображений — оставляю это авторам будущих диссертаций.

Здесь же отмечу, что премьера была тщательно подготовлена и вдохновенно проведена дирижером Николаем Алексеевым и Заслуженным коллективом республики академическим симфоническим оркестром Петербургской филармонии. Наряду с Пятой прозвучала уже ранее исполнявшаяся Третья Данте-симфония — и тоже в высшей степени достойно. Теперь вот самое время захватить их в очередной зарубежный тур — наряду с постоянно вывозимыми творениями Чайковского и Рахманинова. Пусть познакомятся и в чужих краях с новой музыкой, которая делает честь стране, где она появилась, и своему времени!

Увы, приходится признать, что не только за границей, но и в своем отечестве творчество выдающегося мастера известно значительно меньше, чем оно того заслуживает. Всю жизнь он одержимо работает. Число созданных имopusов превысило полторы сотни. Среди них есть несомненные шедевры. Очень давно он решил самому ничего не предпринимать для распространения своих сочинений — пусть занимаются этим другие. Другими должны быть прежде всего исполнители. Их у него немало — талантливых, верных, но все же, видимо, недостаточно предприимчивых и энергичных. Недавно к числу друзей тищенковской музыки присоединился Валерий Гергиев. В его интерпретации прозвучали сюита из «Ярославны», Вторая симфония, «Марина», на стихи Цветаевой, Реквием на стихи Ахматовой, и каждое исполнение становилось событием. Я очень верю, что бешеная инициатива и несокрушимый напор маэстро пробьют брешь в стене, отгородившей творчество композитора от тех, для кого оно предназначено. Полагаю, что за будущее своей музыки Тищенко может не тревожиться: если в отношении столь значительных художественных фигур история иногда и ошибается, то со временем свои ошибки исправляет.

Здоровья и вдохновения дорогому юбиляру на долгие годы!